

Новая 2003-2003-2-4 июня - с. 21.



Спрашивать Юрия Норштейна, что он видит сейчас в зеркале, не имеет смысла, потому что это самое явление — автора лучшего мультфильма всех времен и народов — он наблюдает там уже почти двадцать лет. Произошла только странная, на мой взгляд, рокировка. «Сказка сказок», державшая первенство в мире с 1984 года, уступила место «Ежику в тумане». Во время Лос-Анджелесской Олимпиады там же проходила Олимпиада искусств, в том числе и мультипликации. Заочный опрос 35 критиков мира, которые должны были назвать 50 лучших анимационных фильмов «всех времен и народов», вывел «Сказку сказок» в лидеры. Но времена и народы были другие во всех смыслах, и эта информация держалась в тайне (год — даже от самого Норштейна), поскольку он оказался единственным советским участником Олимпиады в Америке...

Максим ГРАНИК

КТО ВЫЙДЕТ ИЗ ЕГО «ШИНЕЛИ»?

— «Ежик в тумане» потеснил «Сказку сказок» — не потому ли, что в критику пришло новое поколение, которое почему-то смотрит на мир и искусство вообще?

— У меня именно такое впечатление. Дело не в первом и втором месте, я об этом вообще не думаю. Но когда я делал «Сказку сказок», у меня были такие тайные амбиции, что этот фильм отберет своих зрителей. И для меня он пока остается главным. А история с «Ежиком» вызвала у меня скорее улыбку недоумения: чего вдруг вспомнили? Возможно, действительно новое поколение... По-настоящему крупным событием для меня была заметка Германа у вас в газете, потому что это Герман. Выдающийся режиссер. И то, что он сказал, он сказал для меня.

Норштейн поглощен изнурительными и прекрасными процессами художественного труда слишком глубоко, чтобы отвлекаться на соревнования — даже с самим собой. И хотя сияющая гармония — души, природы, текста, времени — при небывало сложной художественной структуре ставит «Сказку сказок» в ряд самых выдающихся фильмов в истории кино, — с этим «Ежиком» тоже не все просто. Между фильмами существует очень личная духовная связь. Объясняя в свое время смысл «Ежика в тумане» художнику, Норштейн процитировал Данте: «Земную жизнь пройди до половины, я очутился в сумрачном лесу...».

Мир живой, ночной, влажный, непостижимый... Можно смело сказать, что такого сенсорного богатства анимация не знала.

Простая сказка одной сказки была для неустанного путника, каков есть из себя Норштейн, тем лесом познания, за которым открывается другая половина жизни. Плато, куда ученик выходит Мастером, чтобы предаться медитации и познать самое сложное — себя. Это плато, куда любимый в Японии Норштейн ступил уже великим сенсэем, называется «Сказка сказок». Что даже по времени совпало с серединой его творческого пути. Но ступил-то он туда из лесного тумана.

— Может быть, новое поколение наконец «дотумкало», что к чему? Или все-таки не

Юрий НОРШТЕЙН: Камера крупно-крупно приблизилась к человеку. Сейчас пошел отъезд камеры

хочет выходить за рамки якобы простого, хотя и волшебного кино? Как по-вашему?

— Думаю, что оно смотрит упрощенным взглядом. Какие-то вещи, более важные и трудные для человека, сегодняшней не только зритель, но и критик просто не хочет воспринимать. Защищается от этого. Наверняка фон Триер сделал выдающийся фильм — и вообще ничего не получил в Каннах. Пришла новая генерация. И мы все еще за это будем расплачиваться. Сказано, что если ты не будешь интересоваться политикой, то политика заинтересует тебя. Так вот если мы не будем уходить в сложные вопросы жизни, то сложные вопросы придут к нам и схватят нас за горло.

— Очень характерно, что новые дети не приняли вашу заставку к «Спокойной ночи»: слишком сложно.

— Вообще если посмотреть на панораму искусства, то видно, как на протяжении веков «камера» от общего плана приближалась и наконец крупно-крупно приблизилась к человеку. Все больше и больше понимая. У меня такое впечатление, что сейчас пошел отъезд. И мы за это будем расплачиваться.

— Какой фильм (или фильмы) вы сами ставите на первое место в анимации всех времен и народов?

— Ни в XX, ни в XXI веке никто не превзошел «Ночь на Лысой горе» Александра Алексеева.

— Все-таки, значит, отец анимации и ваш, безусловно, прямой предтеча. Выходит, искусство-то ничего не прибавляет со временем?

— Достаточно посмотреть помпейскую фреску: идущая в развешенных одеждах с цветком в руке — ничего прекраснее мы не создали за тысячу лет.

— А в масштабе одной жизни? Вы сами делаете все более сложное и совершенное кино. Когда (и, добавлю, если) вы закончите «Шинель», будет этот фильм шагом вперед даже по отношению к «Сказке сказок»?

— Я бы хотел надеяться, хотя, в общем, совсем не думаю об этом. У меня более утилитарное желание. Мне хочется посмотреть, как это было.

— В каком смысле? Было или будет?

— Нет, именно было, а не будет. Как все это происходило с Акакием Акакиевичем? По-

— Мировой проект, где вам единственному японские заказчики разрешили выйти из регламента?

— Да, 35 режиссеров со всего мира получили по три строчки японских хокку и хайку. В распоряжении каждого — по тридцать секунд. У меня уже 70. Причем мой фильм первый, а я уже нарушил все сроки. И не сделано важнейшее, как я считаю. Даже здесь, где нет драматических задач, как в «Шинели», все равно работа такой степени плотности, что просто в кровь разбиваешься об эту стену.



— Почему для вас сделали исключение?

— Я послал им раскладовку, и японцы пришли в восторг оттого, что я нашел ход к Басё, который им самим в голову никогда не приходил. Японцы очень благодарно относятся к тем, кто способен понять их святыни...

— А что за стихи? И что за ход?

— В Японии есть такой нарицательный персонаж — Тикусай. Врач-шарлатан, смесь юродивого, жулика и святого. Японцы его обожают, придумали ему родной город и даже место, где стоит его аптека. У Басё так:

«Безумные стихи»...

Осенний вихрь...

О, как же я теперь в своих лохмотьях

На Тикусая нищего похож!

Ход же, который я придумал, прост чрезвычайно, но для японского сознания оказался совершенно новым. Я их соединил — Басё и Тикусай. В восприятии японцев они существуют в разных измерениях и не могут взаимодействовать. А у меня Тикусай идет по лесу, прикладывает свою трубочку к деревьям — слушает их, валиет дурака, бегает от дерева к дереву... А потом видит сидящего человека. Они раскланиваются, и Тикусай замечает, что этот человек — великий учитель Басё — вычищает из своего кимоно вшей. И тут каждый из них разглядывает свое кимоно: одежда Тикусая оказывается такой же дырявой, как тряпье сенсэя. И его это совпадение изумляет и радует. А потом он хочет подать учителю его шляпу, но шляпа настолько ветхая и дырявая, что Тикусай отдаст ему свою, поцелует, а дырявую на себя напяливает и уходит — этак по-японски изображая самурая. И тут ветер срывает эту шляпу, и он все сильнее, деревья гнутся... Тикусай шляпу поймал, рассмотрел — и выбросил ее к чертовой матери, и она понеслась по небу вместе с листвою в одну сторону, а Басё, придерживая новую шляпу, идет против ветра в другую сторону. И слышны удары колокола, и ветер гудит, как колокол, как тибетская труба. Как большой костер. Как землетрясение: очень серьезное и глубокое гудение жизни.

Сейчас остался вот этот самый сложный крупный план, когда они дырками обмениваются. Здесь надо уловить очень тонкую границу. Чтобы игра мгновенно была воспринята: что это не двое вонючих нищих сидят, а два человека, осознающих, что такое жизнь.

— Вы ведь и «Шинель» продолжаете, то есть два фильма одновременно? Происходит какое-нибудь взаимовлияние?

— Потрясающий обмен. «Шинель» начинается с того, что от грязной земли мы выходим к белому безмолвию, за которым — Петербург. Я все ломал голову, как это сделать.

И только сейчас, придумав этот японский ветер, я понял: какого черта, ведь и там то же самое, я могу по тому же принципу снять. Вплоть до того, что использовать те же фазы деревьев под ветром.

— То есть этот обмен может ускорить работу?

— Нет, не ускорить. Это именно обмен. Он дает третье качество, уточняет, снимает сомнения, давая новый взгляд на прежнюю работу. Освежает.

— Кто вам помогает?

— Ужас в том, что мультипликация в культурной табели о рангах как бы «не считается». Для начальства я — ноль со всеми моими рейтингами. Когда Швыдкой однажды пригласил меня и еще нескольких мультипликаторов для «дружеской беседы» и посулил мне каких-то денег, я вспомнил все свои мытарства, и кровь бросилась мне в голову. Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал: «А я денег у вас не возьму». Нельзя брать у тех, кому на тебя наплевать.

— Но у кого-то ведь вы берете?

— Беру. Нам помогает Сбербанк России, и там все очень серьезно, решается на президентском совете. Очень помогла нефтяная компания «Юмента». К нам в студию пришел человек оттуда, все посмотрел и сказал: мы дадим вам денег, чтобы вы закончили «Шинель».

— Вы внутренне, хотя бы для себя, устанавливаете какие-то сроки работы?

— Каждый год, просыпаясь первого января, я говорю себе: все, в этом году. Так и с Басё было — я думал: ну что, три строчки, месяца полтора. Ну кто мог знать, что пройдет полгода, а у меня еще подфильма... Когда мне говорят, что какие-то вещи можно сделать на компьютере, — не можно! Я не чувствую, что я прохожу через напряжение, когда нажимаю на кнопки. У меня в руке игла, и я царапаю ею по пленке, а потом втираю краску, и у меня руки воняют масляной краской... Без этого я не могу работать.



Алла БОССАРТ

Норштейн Юрий
4.06.03.

216